

чале 40-х годов XII в., докладчик в результате более детального изучения отнес к ранней группе также собор Федоровского монастыря (1129 г.) и церковь Богородицы Пирогощей (1131—1136 гг.). П. А. Раппопорт пришел, таким образом, к заключению, что перелом в киевском зодчестве относится к концу 30-х годов; по его мнению, анализ изменений, происшедших в архитектуре, дает основание утверждать, что этот перелом связан со сменой мастеров. Строительство храмов нового направления началось, по убеждению докладчика, не в Киеве, а в Чернигове, где самым ранним памятником является собор Елецкого монастыря, воздвигнутый на рубеже XI и XII вв. или в самом начале XII в. После вокняжения в Киеве черниговского князя Всеволода Ольговича (1139 г.) строительная артель, построившая этот собор (а затем в Чернигове же церкви Борисоглебскую, Ильинскую, здание княжеского терема и два храма в Рязани), перешла в Киев; зодчие, начавшие на рубеже XI и XII вв. строительство в Чернигове, приехали из какого-то провинциального византийского центра, вероятно, по вызову князя Олега Святославича и находились под заметным влиянием романской архитектуры.

В докладе Т. Ю. Ивакина анализировались две свинцовые вислые печати с поясным изображением Феодора Стратилата и греческой надписью, найденные при раскопках ротонды в Киеве в 1976 и 1977 гг. Стратиграфия находки позволяет отнести их к послемонгольскому времени; по мнению докладчика, печати должны были принадлежать одному из высших сановников Византийской империи, имевшему достаточно тесные связи с Киевом (предположительно — патриарху Нилу, занимавшему патриарший престол с 1380 по 1388 г. и поставившему русским митрополитом Дионисия).

В докладе Ф. Д. Гуревич «Города Западной Руси XII—XIII вв. и Византия» были рассмотрены некоторые аспекты торговых и культурных связей западнорусских городов с Византией. Деятельность византийской строительной артели в Новогрудке и обнаруженные в этом городе при раскопках многочисленные византийские изделия свидетельствуют, как показала докладчица, о систематических связях между городами Западной Руси и Византией в указанное время.

Е. С. Столярик сообщила о новых поступлениях в коллекции Одесского государственного историко-археологического музея позднеримских и византийских монет, найденных на территории Одесской области; эти находки, являясь ценным источником для изучения денежного хозяйства, проливают дополнительный свет на ряд экономических и политических аспектов истории Днестро-Дунайского междуречья.

Материалы новых открытий легли в основу доклада А. А. Рыбакова «Византийская художественная традиция в живописи Северной Руси XIII—XVI вв.». Докладчик наглядно показал, что эта традиция сыграла важную роль в развитии художественной культуры Северной Руси, воспринявшей традиции античного искусства и познакомившейся с тщательно разработанной иконографической системой.

В докладе В. В. Кучмы «К вопросу о византийских традициях в русском военно-уголовном законодательстве XVII—XVIII вв.» была предпринята попытка проследить влияние византийских уголовно-правовых норм из сферы военного дела на внутреннюю организацию и дисциплину русской армии в период перехода России от сословно-представительной монархии к абсолютной. В качестве объектов сравнительного анализа были избраны, с одной стороны, статьи военно-дисциплинарного кодекса, общие для трех памятников византийского права («Стратегикон» Маврикия, «Воинский Закон», «Тактика Льва»), а с другой стороны, соответствующие по содержанию нормы кодексов русского права (Соборное Уложение 1649 г., Артикул Воинский 1716 г.). Докладчик пришел к выводу, что если византийское влияние на военно-уголовные нормы Соборного Уложения проявляется лишь в самом общем виде (преимущественно в плане заимствования юридической терминологии), то статьи Артикула Воинского испытали это влияние в самом конкретном и непосредствен-